

Народное правосудие

На XXI съезде отец заговорил о взаимоотношениях общества и государства, реализации его правоохранительных функций. В стране росло число заключенных, не политических, а бытовиков, мелких уголовников. Их осуждали за украденную бутылку водки, за пьяные драки, просто за пьянку без драки или за драку без пьянки, за самогонование, за оскорбление личности с рукоприкладством или без него... Продолжать можно до бесконечности.

Не хватало милиционеров, чтобы ловить всю эту шантрапу, судей с народными (присяжными) заседателями, чтобы разбираться во всем этом полукриминальном и криминальном месиве, не хватало мест в тюрьмах. Замаячила перспектива расширения и усиления органов, или требовалось придумать что-либо иное. Отец однозначно высказался за иное — на пути к коммунизму не карательные структуры, а само общество обязано позаботиться о собственном спокойствии.

2 марта 1959 года он подписал Постановление ЦК КПСС и СМ СССР «Об участии трудящихся в охране общественного порядка», предусматривавшее организацию товарищеских судов и передачу в их ведение рассмотрение мелких, в основном бытовых правонарушений. Принимая решение, исходили из посылки, что свои товарищи судьи лучше и справедливее любого профессионала юриста разберутся с собственными соседями-скандалистами. Одновременно придавался официальный статус добровольным народным дружинам. Дружинникам вменялось следить за порядком на улицах городов и в городских парках, в кинотеатрах и банях, под присмотром участковых заниматься тем, чем раньше занимались патрульные милиционеры. В дружины набирали ребят, а иногда и женщин, по месту работы, реже по

месту жительства. Если все пойдет, как задумано, надеялся отец, то милицию, быть может, удастся сократить.

Вскоре народные дружины стали реальной силой – в них записалось более двух с половиной миллионов человек, чуть меньше, чем служило в Советской Армии.

Выходя на вечерние улицы, дружинники исполняли свое предназначение: быстро и эффективно прекращали драки, отлавливали мелких жуликов, отправляли пьяниц в вытрезвители. И многим из новоявленных стражей порядка вскоре понравилось властвовать на улицах. Они в какой-то степени устанавливали свою власть, порой учиняли настоящую расправу: насильно выстригали плечи длинноволосым стилигам, придирались к слишком узким, по их меркам, брюкам-дудочкам, а потом, когда мода переменялась, к широченным клешам. Но это мелочи.

По большому счету, дружины сослужили добрую службу. Хулиганы и иная преступная мелочь боялась молодых людей с красными повязками больше милиционеров в форме. Все они, и дружинники, и их «клиенты», работали или жили в одних районах, знали друг друга в лицо, спрятаться, убежать от них оказывалось ох как непросто. Надобность в расширении органов внутренних дел отпала.

Товарищеские суды тоже показали себя достаточно эффективными. На общих собраниях по месту жительства в них выбирали судей с народными заседателями, и те вершили правосудие не хуже, а порой – там, где не требовалось разбираться в юридических тонкостях, даже справедливее судей профессиональных. В их компетенцию входили драчуны, которых задерживали дружинники, пьяницы, самогонщики, семейные склочники, разбирались и имущественные споры, но не дороже 300 рублей. К тюрьме товарищеские суды приговаривать права не имели, их компетенция ограничивалась мерами общественного воздействия. Согласно закону, товарищеский суд мог и штраф наложить, но не более чем в 100 рублей или заставить возместить ущерб, но только до 300 рублей.

Дела все не очень видные, но в жизни составляют большинство, и именно они, в основном, портят жизнь. За исполнением приговоров товарищеских судов следили те же дружинники и следили внимательно.

Войдя во вкус, общественники предлагали позволить товарищеским судам разбираться с людьми, живущими не по средствам или занимающими слишком большие квартиры. При этом у каждого имелось свое мнение, что по средствам, а что нет, что слишком, а что не слишком. Таких писем в ЦК получали множество, но хода им, естественно, не давали.

Еще одно новшество: преступников, осужденных а народном суде, но не очень опасных, теперь не всех сажали в тюрьму, а по просьбе «коллектива» отдавали на поруки их же товарищам. Считалось, что товарищи и соседи лучше тюремных надзирателей «перевоспитают» осужденного. Если же не справятся, двери тюрьмы в течение всего срока осуждения оставались открытыми. Процедуру поручительства упростили до предела: требовалось на собрании принять решение, написать в суд ходатайство, а затем суд решал: передавать – не передавать. Обычно решал «передавать». Поручителей оказалось много, в России всегда жалели осужденных, даже незнакомых, а уж о своих нечего и говорить. Нередко ручались за тех, за кого ручаться никак не следовало. Судьи тоже проявляли либерализм, иногда излишний, отдавали на поруки не мелких нарушителей, как задумывалось наверху, а грабителей, насильников и даже убийц. Порой не отдавали, а навязывали их «поручителям».⁵³

Но это издержки. В целом поручительство работало, переданные на поруки правонарушители обычно в «тюремные университеты» не возвращались, многие из них «завязывали».

⁵³ Согласно данным проверки, только во второй половине 1959 года на поруки передали 116 убийц, 222 насильника и 577 разбойников-грабителей.

В числе поручителей однажды оказался и отец. Отдыхал он осенью, не помню уж какого года, в Сочи, на государственной даче в «Бочаровом ручье». В тот день он сидел на пляже, читал очередную порцию бумаг, как вдруг услышал сверху, на склоне горы, шуршание – вниз посыпались мелкие камешки, а вслед за ними буквально свалился неряшливо одетый мужчина. Отец с удивлением уставился на гостя, тот – на отца.

Охранников поблизости не оказалось. Во время отдыха отец настрого запрещал им крутиться в пределах видимости. Начальник охраны Литовченко находился в служебном корпусе, «выездная» группа отдыхала, а посты были разбросаны по территории. Забор практически не охранялся, местные жители знали, что за ним правительственная дача, если полезешь, то поймают и отправят в милицию для выяснения личности. Этот незваный гость полез не по ошибке. Он знал, что где-то за забором отдыхает Хрущев, и хотел пожаловаться ему на свою горькую судьбу, даже заранее написал письмо.

Взаимное оцепенение продолжалось меньше минуты.

– Вы кто такой? – первым заговорил отец.

Незнакомец (не помню, как его звали) узнал Хрущева и, захлебываясь, начал рассказывать, что он освободился из заключения, вернулся домой, а его нигде не прописывают, а без прописки на работу не берут. Хоть снова иди воруй. «Гость» объяснил, что он вор-профессионал, в тюрьме сидел уже четыре раза, но теперь решил «завязать», начать честную жизнь, но никак не получается. Отчаявшись, он решил искать правду у самого Хрущева. Тирада вора продолжалась минут пять-семь.

На склоне вновь раздался шорох, снова посыпались камешки, на пляж спустился один охранник, другой подбежал со стороны дома.

«Гость» перепугался, но отец, заинтересовавшись, предложил ему сесть, охранникам же сказал, что ничего страшного не произошло, они тут попросту беседуют. Около часа отец расспрашивал своего гостя (теперь уже без кавычек) за что он сел, как жил в лагере, что собирается делать на свободе? Потом пригласил его пообедать. После обеда отец вызвал начальника охраны, попросил у него взаймы сто рублей.

Вместе с гостем на машине они отправились в Сочи, там прошлись по набережной, а затем отец отвел своего нового знакомого в отделение милиции к перепуганному и ничего не понимающему дежурному и попросил помочь бывшему заключенному устроиться на хорошую работу. Он за него ручается. Эту историю растиражировали все газеты. Вчерашний вор стал героем дня.

Что с ним стало потом, не знаю. Одни рассказывали, что все завершилось удачно, он работает, хочет учиться. Другие злословили, что отцову сотню он пропил, что-то украл и теперь опять сидит в тюрьме. Мне больше по душе первый вариант.